
А.Е. Пресняков

**ОБРАЗОВАНИЕ
ВЕЛИКОРУССКОГО
ГОСУДАРСТВА**

МОСКВА

Богородский Печатник

1998

имели попытки их возрождения? Сами с Поднепровьем почти вовсе обрваны, хотя и поддерживаются связями с западной Русью. Южный Переяславль исчез с исторической карты, Черниговщина, погруженная в процесс быстрого распада, стоит – до поры до времени – вне суверенных интересов. Общее сужение кругозора и стеснение активной деятельности – необходимая предпосылка для изучения политического распада и измельчания внутренней жизни русского северо-востока. В стесненных условиях, подрывающих поставленную ранее широкую задачу деятельности, падает значение Владимиро-суздальского великого княжества, слабеет централизующая политическая жизнь Суздальщины, власть великих князей. На западе крепнет независимость Новгородца, несмотря на все усилия «великих» князей поддерживать там свою власть, концентрирует на время на наступление в северу и северо-востоку, и Новгород не испытывает, как прежде, поставленного успешности своих путей и даней. Время великих князей – Ярослав Владимировича, его сыновей и внуков – сложный период заката силы великого княжества Владимиро-суздальского. Постепенно нарастает агония великокняжеской власти старого типа, агония эта вызвана упадком интересов, которые питали потребность объединения, давлением татарской власти, усилением самостоятельности Великого Новгорода. Эти явления вырывали у Владимиро-суздальских великих князей почву для усиления своей власти над владениями князьками и ее оправдания широкой политикой, которая была бы делом всей северной Руси и могла бы объединить интересы Великороссии.

Мы почти лишены возможности учесть реальные последствия Батыева погрома. Его удары были направлены преимущественно на города, но и сельское население, поскольку не успевало укрыться в лесах, село в полях, гибло от набегов, терло скот и имущество, терло кров и пожары. «Ночь ни места, ни вес, ни сил тогда редко, даже не вояхана в Суздальской земле» татарские загоны, твердят летописцы. Разорение было огромно. Но, как обычно бывает, одновременный, хотя и весьма тяжкий удар, нападением бы, сам по себе, сравнительно скоро. Тяжело легла на Великороссию с 40-х годов XIII в. ордынская власть. Тяжело падают о ней наши источники упреждающе затуманивают. Однако надо признать, что в первые время, она была много ближе и тише для великорусской жизни, чем мы ее себе обычно представляем. По стольким городам водворились татарские баскаки с великой силой, чтобы держать в повиновении князей и народ и обеспечить сбор дани. В орду русские князья велились даругами, чьи наказы на Русь, как и другие «послов» канских, были и разорительны, и уничижительны. Такой процесс чужой и чуждой власти навис над северо-восточной Русью. По-

пытки соперничества князей, истощившие в 50-х и в 60-х годах XIII века, вызвали новые попытки и суровые репрессии. Русь пришлось свернуться перед властью хана и приспособиться к новым условиям. Давление новых условий сказывается на судьбе Ярослава Всеволодовича и на деятельности Александра Ярославича.

Только что склынула к югу татарская сила. Ярослав занял великое княжение после брата, погибшего на р. Сить, и тутчас вступает на прежние пути великокняжеской политики. В 1239 г. Ярослав изгоняет Смоленск от Литвы и водворяет на смоленском княжестве местного волжича – Всеволода Мстиславича. Защита западных пределов лежит на сыне Ярослава Александре. В 1239 г. он с новгородцами строит город на р. Шконе, победительно отражает в 1240 г. нападение венгров, в 1242 г. – набег на Полов новгородца рыцарей. Подобно прежней деятельности Ярослава, новгородского князя, эта западная борьба Александра является проявлением политики владимирских великих князей. Дарова «низовской» оборонной, новгородцам тяготелось неизбежным при таких условиях усилением своей зависимости от княжеской власти. Но в традицию годового выезда не было. Когда Александр, «распрелев с новгородцами», ушел в 1243 г. «со всем двором своим» из Новгорода в Переяславль, новгородцы тутчас послали к Ярославу просить у него сына на княжение, великий князь «дасть им сына своего князя Андрея», но они новым челобитием просили прислать Александра, устроенный набегом Литвы, немцев и Чудь, «великий же князь Ярослав дасть им сына своего Александра князя». На оборону Полов Александр идет, «своим с собою братом своим и вся всем своим». Так, и в 1245 г., когда Литва совершила набег на окрестности Торжка и Бежицы, против них стоят не только новгородская и новгородская рать, но и «низовские» волжичи с тугичами и дмитровцами, а довершает победу Александр Ярославич, отпустив новгородскую рать, «своим двором».

Осенью 1242 г. (в конце 6750 – начале 6751 г.) врезывается в судьбы Великороссии новая сила – татарская власть. Ханский посланец потребовал приезда Ярослава Всеволодовича на поклон хану Батыею в Золотую Орду: «и прииде пожалование» как признал за ним, по сообщению наших летописей, старейшинство над всеми князьями русской земли. Ярослав ехал в Орду с сыном Константином, которому пришлось, по ханскому приказу, ехать в далекую Монголию на поклон великому хану. По возвращении Константина в 1245 г. Ярославу пришлось ехать ехать в Батыею, а из Орды – в Монголию, где он «многое истощение подымет» и на обратном пути умер «нужною смертию».

Новое осознание княжеского права – ханское пожалование,

воскресло не одного Владимировского княжества. По возвращении из Оуды великого князя Ярослав и, вероятно, в силу привязанности им канская распрямленной посылки в Оуду «про свое отчину» князья – потомки Константина Всеволодовича – Владимир Константинович, два Васильевича – Борис и Глеб, и Всеволодович Васильич, Батый утвердил их отчинные права отпустил их, «расудив им встождо в свое отчину»⁷. Во вторую привязанную посылку в в. Ярослав отправился «со своим братом и с сыновем», а вернулся «из Татар в свое отчину» его братья – Светослав и Иван, с племянниками, Ярослав же был послан Батыем в Монголию, в путешествие, стоявшее ему жизни⁸.

Батый утвердил внутренний распорядок княжеского владения среди русских князей. Для Константиновичей из восточной были владения отца, который перед кончиной (1218 г.) дал сыну Василью Ростов, а Всеволоду – Ярославля⁹, о каком-либо разделе владения – Владимира – нет упоминаний в наших источниках¹⁰, позднее виден его князем в Угличе. При в. Юрии эти ростовские отчины выступают «за одно, втроем»¹¹. Василью и Всеволоду постигла в татарские нашествия, оставив наместника сыновей Василью князем Бориска и Глеба, Всеволод Васильич. Юные князья сидели в 1244 г. с дядей Владимиром Константиновичем в Оуду «про свое отчину», и Батый, по характерному выражению летописца, «расудил», чтобы каждый из них стал в свое отчину. Лучше не придавать особого значения этому отдельному выражению¹² и усмотреть в решении канда лишь утверждение отца прав, согласно летописному тексту, который сообщает, что в «Ростове сидела Васильевичем Борис да Глеб на княжестве» еще до первой посылки в в. Ярослава в Оуду у нас нет сведений о спорности прав Васильевичей на Ростов¹³, за ними признано их восточное право, как признавалось оно в старину за «Рогволодом и Юрием» на Полоцк или за Ольговичами на Чернигов. Васильич Всеволодович остался при своем Ярославле, своеобразной судьбы этого княжества по его смерти (умер в 1249 г.) придется рассмотреть ниже. Дядя этих князей, Владимир Константинович, который мог бы претендовать на старейшинство среди них, по-видимому, мирится со скромным положением угличского князя¹⁴; эта ветвь ростовского княжения сошла со сцены с Владимировыми сыновьями, и связь Углича с ростовской отчиной оказалась непорванной; эта отчина распадется, если не считать утраты Ярославля, только под московским давлением.

Младшие сыновей – Светослав и Иван – в в. Всеволод Юрьевич поручил перед кончиной своей из брату Юрию. Юрий дал в 1212 г. Светославу Юрьича Польский¹⁵, но о княжении Ивана Всеволодовича имеют лишь указание под 1238 г., что ему

Младшие сыновей – Светослав и Иван – в в. Всеволод Юрьевич поручил перед кончиной своей из брату Юрию. Юрий дал в 1212 г. Светославу Юрьича Польский¹⁵, но о княжении Ивана Всеволодовича имеют лишь указание под 1238 г., что ему

С в. к. Василием Ярославичем сошло с исторической сцены старшее поколение князей.

Это знаменательный момент в жизни С.М. Соловьева. «Мы достигли того времени, когда прежние понятия о праве старшинства исчезают, великие князья начинают видеть, что они забываются не старшинством, но силой. Каждый князь, получив область Владимирскую, старается увеличить свою самостоятельность за счет других княжеств. Но когда приближаются понятия о самостоятельности владения, заставляющие каждого великого князя заботиться только о самом себе, то все остальные князья не могут уже более доверять родственной силе, должны также заботиться о самом себе, всеми средствами должны стараться приобрести силу, потому что им остается выбор: либо быть жертвой сильнейшего, либо другим сделать жертвами своей силы. Вот почему мы видим теперь великие князья не великие, с поправкою или старинные права родины отнятые»⁷.

Основной мотив княжеской усобицы «надуманность князей к великому князю Владимирскому, постепенно нарастающая из к каждому князю, приближающему к своему усобицу Владимирскую область»⁸.

Взвешенная наблюдательность С.М. Соловьева четко выдвинула характернейшую черту событий, разыгравшихся в последние десятилетия XIII и первые XIV веков: столкновение князей между собой и с Новгородом Великим против носителей великокняжеского титула и великокняжеских претензий. Но предвзятая теория междукняжеских отношений внесла в объяснение этого наблюдаемого факта, не оправдываемые данными науки истолкования и не соответствующие научной исторической действительности⁹.

Необходимо продолжить обзор этих событий, рассмотрев в эту пору всю политическую жизнь Великороссии. По смерти в. к. Василия прежний спорный облик дядей, Ярослава и Василия, перекрестков князь Дмитрий Александрович мог беспрепятственно занять оба стола великого княжества «Владимирского и Новгородского» и «сад на столе» сперва во Владимире, затем и в Великом Новгороде¹⁰. В духе прежних своих выступлений он энергично действует в северо-западных пределах. В первую же зиму своего княжения – совершает «с новгородцами и со всеми новгородскими людьми» поход на восток¹¹, а в следующем году ставит новое укрепление – город Кондрья, который он еще через год «обложил данью»¹². Как бывало и при Александре Ярославиче, усиленная военная деятельность великого князя в новгородских пределах не замедлила вызвать столкновение не-

жидунки и новгородцына из-за нарушения новгородской «старинны и обычаев» и противодействия новгородцев властному князю. В 1280 г. новгородский архиепископ Климент едет в великому князю во Владимир послом от Великого Новгорода «о мирю» но Дмитрий все-таки пошел на Новгород ратью «с братом своим» и, только «позволив» князю властью Новгородскую, заключил мир с новгородцами⁸⁵.

Смута началась с того, что брат Дмитрия Андрей Александрович «испроси себе княжение великое под братом своим старейшим» у хана и «приводе с собой рать татарскую»⁸⁶. Литовские своды сохранили лишь один источник, повествующий о поступке кн. Андрей просил бояр — «боярина его Семюна Топтыгинича и иных востроумных». С.М. Соловьев согладался, вслед за Карамзиным, этого Семюна Топтыгинича с востроумским боярином Семюном, впоследствии в к. Василия Ярославича, который сыграл такую видную роль во враждебных действиях своего князя против Дмитрия Александровича, этим согладалением, которое надо признать весьма вероятным⁸⁷, устанавливается связь между борьбой против Дмитрия его дяди Василия Ярославича и восстанием на него же брата Андрей. Но личные мотивы князей, а настроения и тенденции окружавшего их боярства дали бы нам полное понимание событий. Но источники занаты только князьями и дают лишь случайные (и тем более ценные) заметки на значительные боярские альянсы и междоусобицские отношения и повествование охватывает княжеской власти.

Приход князя Андрея с ханским ярлыком и татарским войском сплотил вокруг него русских князей. Дмитрий Александрович бежал из Переяславля «в наше дружино» в Великий Новгород, однако здесь его не только не приняли, но встретили «всем похолодом», чтобы помешать ему заехать в Коломну, где были его наместники с гарнизоном⁸⁸.

Кн. Дмитрию пришлось отказаться от этой мысли и идти, куда ему новгородцы «пути показали» — по всей вероятности во Псков⁸⁹. В ту же зиму прибыл в Новгород князь Андрей Александрович и «сиде на столе»⁹⁰, он был еще в Новгороде, когда кн. Дмитрий пробыл в Переяславле⁹¹, готовя новую борьбу. С опаской от брата вернулся в к. Андрей во Владимир, сопровождаемый новгородцами, и поспешил на Горы в Озю. Последним Семюн Михайлович, обещавший Андрею безопасное возвращение из Новгорода, князь «посадом» Туржик и не допустил его звать наместниками кн. Дмитрия, в Новгород обещавший продолжаться на случай неудачи в обороне Туржика. Однако поворот отношений в пользу кн. Дмитрия уже начат. Ему удалось собрать достаточные силы, чтобы встретить под Дмитровым тверскую рать князя Светослава Ярославича, московскую